

**Томберг О.В.**

**ОСМЫСЛЕНИЕ ЛЮБВИ  
В СРЕДНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ:  
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ<sup>©</sup>**

*Уральский федеральный университет  
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
Екатеринбург, Россия, olgatomberg@yandex.ru*

*Аннотация.* В статье рассматривается специфика осмысления любви в двух хронологических срезах: раннесреднеанглийском (до нормандского завоевания 1066 г.) и позднесреднеанглийском (XIII–XV вв.) средневековой Британии. Лексикографический анализ показывает расширение семантических граней аксиологемы в позднесреднеанглийский период; подобная тенденция зафиксирована также при концептуальном и стилистическом анализе поэтических памятников двух эпох. Это обусловлено расширением жанрового репертуара литературы, утверждением ценностей рыцарства, концептуальным синтезом.

*Ключевые слова:* аксиологема; литературный жанр; сюжет и мотив; характеристики концепта; нарративное осмысление концепта; рыцарство.

Поступила: 08.02.2021

Принята к печати: 30.08.2021

**Tomberg O.V.**

**Comprehension of love in Middle English poetic tradition:  
comparative aspect<sup>©</sup>**

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
Russia, Yekaterinburg, olgatomberg@yandex.ru*

*Abstract.* The article explores specific features of understanding of love in two historical subperiods: in pre-Norman (VIII–XI c.) and post-Norman (XIII–XV c.) me-

dieval Britain. Lexicographic analysis illustrates an expansion of the semantic facets of the concept in the late medieval period; the same tendency is proved by a conceptual and stylistic analysis of literary works. It results from the development of genre repertoire of the medieval literature, setting in the chivalric values, conceptual synthesis.

*Keywords:* axiological concept; literary genre; plot and motive; concept characteristics; narrative dimension of the concept; chivalry.

Received: 08.02.2021

Accepted: 30.08.2021

## Введение

Специфику и содержание национальной культуры на определенных исторических этапах, образ Человека как ее антропологическую доминанту возможно реконструировать через изучение базовых культурных концептов, или констант культуры. Одной из таких констант является любовь: история ее осмысления в мировой культуре имеет широкий хронологический (античная эпоха, Средневековье, Новое и новейшее время) и дисциплинарный (философия, психология и т.д.) охват. Философия определяет любовь как «универсалию культуры субъектного ряда, фиксирующую в своем содержании глубокое индивидуально-избирательное интимное чувство, векторно направленное на свой предмет и объективирующееся в самодостаточном стремлении к нему» [Новейший философский словарь, 2003, с. 578]; «отношение к кому-либо или чему-либо как безусловно ценному, объединение и соединенность с кем (чем) воспринимается как благо, т.е. одна из высших ценностей» [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 464]. Как видно из дефиниций, философская интерпретация любви подчеркивает ее универсальность как категорию культуры, ценностную природу, субъективный характер и направленность на определенный объект. Тип этого объекта определяет и вид любви: это может быть любовь братская, материнская, чувственная, любовь к себе, любовь к Богу, любовь к Родине.

Любовь возникает в пространстве соприкосновения противоположных начал: индивидуального и общесоциального, телесного и духовного, сугубо интимного и универсально значимого [там же, с. 579], поэтому она объединяет в себе разнообразные, порой противоположные смыслы. Этому также способствуют структурная общность или этимологические пересечения с други-

ми концептами (страха, греха, грусти) [Степанов, 2004, с. 424]. Любовь задает вектор развертывания ценностных смыслов, репрезентированных концептуальными моделями «друг – враг», «свой – чужой», «хорошо – плохо». Наряду с верой, истиной, добром, красотой, милосердием, смирением она является одним из ключевых концептов православной концептологии [Постовалова, 2014, с. 144].

Любовь осмыслена во всех видах искусства и является, по сути, его аксиологическим фундаментом. Общекультурное осмысление концепта, безусловно, задает вектор его семантического развертывания в языках искусства. При этом в искусстве происходит расширение, модуляция, трансформация концепта. Искусство способно сохранять и транспонировать его архаичные смыслы, отделенные от времени его функционирования в культуре большой исторической дистанцией, часто при этом подлежащих неизбежному дефокусированию, т.е. понижению степени их выделенности (о концепции дефокусирования [Ирисханова, 2014]). Искусство способно актуализировать эти глубокие слои ценностных смыслов, восходящих к сходству этимологических моделей: например, в поэзии Джона Донна обнаруживается интерпретация братской любви как взаимного подобия, восходящая к индоевропейскому прототипу [Степанов, 2004, с. 423]. Нарративный вектор изучения концепта предполагает учет его сюжетно-фабульных характеристик [Карасик, 2020, с. 162]. Тем самым возможна реконструкция наиболее типичных культурных сценариев, принятых в культуре по отношению к той или иной аксиологеме.

### **Методология исследования**

В качестве методологической базы исследования в данной статье предлагается интегративный подход, объединяющий методы, разработанные в рамках лингвокультурологии, лингвоаксиологии, концептологии, теоретической и контрастивной поэтики. Одним из ключевых понятий статьи является аксиологема, которая интерпретируется как языковой репрезентант ценностных смыслов (Казыдуб, 2009, с. 135). В медиевистике аксиологеме любви уделено внимание в работах по изучению позднесреднеанглийской культуры, преимущественно в контексте рыцарства и куртуазного мировоззрения [Ashe, 2017; Ashe, 2018; Keating, 2018; Бартеlemi,

2012; Грачев, 2006]; вопросы репрезентации данной аксиологемы в предшествующий исторический период, а также в сопоставительном ракурсе не получили достаточного освещения.

Методологической основой статьи является аксиологический подход, нацеленный на выявление ценностных смыслов концепта любви на различных уровнях ее репрезентации в текстах культуры. Интеграция методов изучения, о которой говорилось выше, в этом случае может способствовать более полной реконструкции изучаемой аксиологемы:

1) метод анализа словарных сочетаемостей имени концепта (*lufu* / любовь) в ранне- и позднесреднеанглийский периоды помогает определить семантический объем аксиологемы в языке двух периодов и специфику его воссоздания в текстах культуры;

2) метод анализа контекстуальных связей нацелен на выявление ассоциативного компонента аксиологемы, сформированных в текстах концептуальных кластеров. С помощью их анализа возможно определение новых семантических граней аксиологемы, уточнение ее содержания в текстах культуры и ценностной тоналности;

3) сюжетно-мотивный анализ способствует реализации нарративного вектора осмысления ценности [Карасик, 2020, с. 162]. Изучение мотивных воплощений аксиологемы направлено на выявление норм, прескрипций, сценариев, выработанных культурой в отношении данной аксиологемы.

Важным аспектом изучения текстового воплощения аксиологемы является учет жанровой природы текста, поскольку жанровая картина мира предполагает наличие ценностной доминанты. С одной стороны, это обуславливает преобладание определенного типа ценностей в текстах одного жанра: например, доминирование моральных и общественных ценностей в балладах и волшебных сказках, трансцендентных ценностей – в космогонических мифах, жизненных ценностей – в заговорах, эмоционально-чувственных ценностей – в шуточных припевах и застольных песнях и т.д. [Небжеговска-Бартминьска, 2013, с. 226–228]. С другой стороны, аксиологическая доминанта жанра задает также вектор актуализации концептов, которые не входят в его ценностное ядро. Поэтому важным представляется описание жанровых характеристик того текстового пространства, в котором изучается аксиологема.

## Результаты исследования

### Осмысление любви в раннесреднеанглийской лингвокультуре и поэзии

Осмысление любви в среднеанглийской литературе возможно в сопоставительном ракурсе вследствие негомогенности рассматриваемого периода. Он распадается на раннесреднеанглийский (до нормандского завоевания 1066 г.) и позднесреднеанглийский (XIII–XV вв.). Такой разрыв обусловлен непопулярностью литературы на национальном языке в период господства французского языка и французской культуры. В результате репрезентированная в англоязычной литературе XIII в. картина мира представляет собой синтез разновременных и разнокультурных картин мира. Понимание и репрезентация любви также подвержены этой тенденции.

Лексикографический анализ показывает, что в раннесреднеанглийской лингвокультуре любовь (*lufu* / *mæglufu* / *lufraedenn*) имеет следующие семантические грани: братская любовь (*brōdorlufu* / *broforscipe* / *brōdorsibb*), родственная любовь (*sibgeorn* / *siblufu*), любовь к женщине (*brýðlufe* – любовь к невесте, *wíflufu* / *wífmyne* – любовь к жене), любовь к матери (*mōdorlufu*), любовь к другу (*freondlufu* / *fréondraeden*), любовь к миру (*woruldulufu*), любовь к людям (*manlufu*), любовь к деньгам (*feohlufu*). Любовь может быть духовной (*gæstlufe* – любовь к Богу), идущей из глубины души (*ferhþlufu* / *módlufu* – любовь от души, *heortlufe* – любовь из сердца). Она определяется по качеству (*eádlufe* – счастливая любовь, *sorglufu* – несчастная любовь, *treowlufu* – верная, преданная любовь, *lufsumness*, *liss* – благожелательная / добрая любовь), силе (*heáhlufe* – сильная / глубокая любовь, *oferlufu* – очень сильная любовь) [Bosworth, Toller, 1898].

В древнеанглийской поэзии любовь осмыслена в жанровых рамках героического и религиозного эпоса, героических элегий и нескольких лирических произведениях. Жанр представляет собой своеобразную матрицу, задавая определенный ракурс смыслосоздания, его концептуальную доминанту; в результате одни семантические грани общекультурного концепта подлежат актуализации, другие – дефокусированию, могут появляться новые грани, в результате чего семантический объем концепта расширяется.

Доминанта осмысления любви в героических жанрах (героическом эпосе, героических элегиях) задается нормами героического этоса: верность королю, роду и дружинникам-соплеменникам, готовность защищать их интересы и умереть за них в бою. В этом ракурсе любовь представлена в дискурсивном пространстве соответствующих жанров как любовь к королю, собратьям по оружию. Такая любовь репрезентирована в тесной связи с материальными ценностями (украшениями, золотыми доспехами), которые воины получают от своего короля:

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
1. ... sceal hringnaca ofer heafu bringan lac ond luftacen. (Beo 1862–1863)	The ringed ships must bring across the seas gifts and tokens of our love.	От друзей к друзьям, лебединой дорогой по равнине волн корабли кольцегрудые перевозят дары! (пер. В.Г. Тихомирова)
2. Aledon þa leofne þeoden, beaga bryt- tan, on bearm scipes, mærne be mæste. (Beo 34–36)	Then they laid down their beloved prince, the dispenser of rings, in the bosom of the ship, the notorious by the mast.	Челн крутогрудый вождя дожидался, льдисто искрящийся корабль на отмели: там был он возложен на лоно ладейное, кольцедробитель; с ним же, под мачтой, груды сокровищ – добыча походов. (пер. В.Г. Тихомирова)

Концептуальной основой героической любви является верность. Верность и готовность умереть в бою – это плата воинов за любовь к своему королю:

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
Ic eom frod foeres; fram ic ne wille, ac ic me be healfе minum hlaforde, be swa leofan men, licgan þence. (The Battle of Maldon 317–319)	I am old in life – I don't wish to wander away, but I'm going to lie down by the side of my lord, beside these beloved men.	Я стар, но из стычки не стану бегать, лучше, думаю, лягу, на ложе смерти рядом с господином, с вождем любимым.

Ответная любовь короля проявляется в его щедрости, готовности к материальному поощрению воинов, принятию в свою семью наиболее отважных из них.

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
1. Bruc ðisses beages, <i>Beowulf leofa,</i> hyse, mid hæle, ond þisses hrægles neot, <i>þeodgestreona,</i> ond geþeoh tela ... (Beo 1215–1218)	Enjoy these rings, Beowulf my dear son, in good fortune, and the use of these garments, these tribal treasures, and prosper well.	Владей, о Беовульф, себе на радость, воитель сильный, дарами нашими – кольцом и запястьями, и пусть сопутствует тебе удача! (пер. В.Г. Тихомирова)
2. Wæs him se man to þon <i>leof</i> þæt he þone breostwylm forberan ne mehte, ac him on <i>hreppe hygebendum</i> fæst æfter <i>deorum men</i> dyrne langað beorn wið blode. (Beo 1866–80 a)	That man was beloved by him so that he could not withhold his welling breast, fast in his heart bound in his thoughts for that well-loved man – he longed in his blood for that warrior.	... и сбежала слеза по щеке седовласого, ибо старец, гадая надвое, не надеялся вновь увидеть в своем чертоге и услышать вождя, так ему полюбившегося, что не смог он сдержать в сердце бурю слез; и не раз потом грустью полнилась грудь правителя – вспоминался ему воин избранный. (пер. В.Г. Тихомирова)

Особенностью нарративного осмысления героической любви является ее трагический вектор. Любовь раскрывается в мотивах изгнания и одиночества в нарративном формате воспоминаний. Хронотоп трагической любви воина репрезентирован в диаде «прошлое – настоящее». Прошлое окутано любовью к королю, соплеменникам и веселым пирам в пиршественной палате. Настоящее сопряжено с потерями, изгнанием и одиночеством. В эмоциональной тональности изображения настоящего доминируют чувства грусти / тоски (*sorg e ond longaf*) и горя (*wea*):

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
<p>1. Gemon he selescegas ond sincþege, hu hine on geoguðe his goldwine wenede to wiste. Wyn eal gedreas! Forþon wat se þe sceal his winedryhtnes <i>leofes larcwidum</i> longe forþolian, ðonne <i>sorg</i> ond <i>slæp</i> somod ætgædre eomne anhogan oft gebindað. þinceð him on mode þæt he his mondryhten <i>clyppe</i> ond <i>cysse</i>, ond on cneo lecge honda ond heafod, swa he hwilum ær in geardagum giefstolas breac. (The Wanderer 34–44)</p>	<p>He remembers hall-retainers and treasure-taking, how his gold-friend accustomed him in his youth to feasting. Joy is all departed! Therefore he knows who must long forgo the counsels of beloved lord, when sleep and sorrow both together constrain the miser- able loner so often. It seems to him in his mind that he embraces and kisses his lord, and lays both hands and head on his knee, just as he sometimes in the days of yore delighted in the gift- throne.</p>	<p>Он вспомнит, мучаясь, молодость ратную и подарки в застольях государя-златоподателя, и как был он его любимцем; убита радость; вождя- соратника надолго утратив, слова его не слыша, он снова его встречает, когда дрема и мука, вместе сплетаясь, сном пеленают одинокого на чужбине, и видения приходят в душу: государя как будто обнимает он и целует, и руки ему на колена и голову слагает, как было, когда слугою в дни минувшие делил он дары престола. (пер. В.Г. Тихомирова)</p>
<p>2. Wat se þe cunnað, hu sliþen bið <i>sorg</i> to geferan, þam þe him lyt hafað <i>leofra</i> geholena. Warað hine wræclast, nales wunden gold, ferðloca freorig, nalæs foldan blæd. (The Wanderer 29–33)</p>	<p>The experienced one knows how cruel sorrow is as com- panion, he who has few adored pro- tectors – the paths of the exile claim him, not wound gold at all – a frozen spirit-lock, not at all the fruits of the earth.</p>	<p>Тот, кто странствует со слугой негодным – с горем в чужбине, сирота, у кого не осталось заступников близких, познавший изгнание, а не земные блага, не золотом одаренный, но озябший телом. (пер. В.Г. Тихомирова)</p>
<p>3. We þæt Mæðhilde monge gefrugnon wurdon grundlease Geates frige, þæt hi seo <i>sorglufu</i> slæp ealle binom. (Widsith 14–16)</p>	<p>We have learned much about Mæthhild: the affec- tion of the Geat was without bottom. so that sorrowing love stole them from sleep.</p>	<p>Долго Хвала достохвально правил, а самым сильным был Александр среди людей и благоденствовал больше всех на этом свете, о ком я слышал. (пер. В.Г. Тихомирова)</p>

Трагизмом проникнута также любовь между женщиной и мужчиной. Эта любовь раскрывается в жанровом пространстве лирической поэзии, примеры которой в древнеанглийской культуре



достаточно немногочисленны (Wulf and Eadwacer; The Wife's Lament; The Husband's Message). Объединяющим сюжетным центром всех произведений является тема разлуки: влюбленных разлучает межплеменная вражда (*fæhþe*). Их любовь сопровождается сильнейшими эмоциональными переживаниями, сближаясь с чувствами горя (*geomor*, *weaþearf*, *turnung*, *sin-sorh*, *wea*), тоски (*langop*), страха (*egsa*), несчастьем (*heardsælig*). Хронотоп разлуки способствует более рельефному изображению силы любви и интенсивности вызванных расставанием переживаний. Так же, как и в героических элегиях, любовь между женщиной и мужчиной представлена на двух временных шкалах: совместное прошлое и настоящее, маркированное темами горя и печали. Степень горя усилена поэтической символикой: море как граница, разделяющая влюбленных (*yþa gelac*), шторм и дождь символизируют их слезы (*renig*, *storm*, *wætre beflowen*), кукушка (*geac*) является предвестником беды, что поддержано аллитерацией (*galan geomorne geac* – mournful cuckoo sings / поет печальная кукушка), упоминание дуба отсылает к потустороннему миру, символизируя смерть, отсюда контекстуальные сопряжения *actrea* – *eorðscrafe* (oak – grave / дуб – могила):

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
1. þonne hit wæs renig weder ond ic reotugu sæt (Wulf and Eadwacer 10)	when there was rainy weather and I sat weeping	когда лила я слезы дождливыми днями ... (пер. В.Г. Тихомирова)
2. ... þæt min freond siteð under stanhlīpe storme behrimed, wine werigmod, wætre beflowen on dreorsele. (Wife's Lament 47–50)	so that my once-friend should sit under the stony cliffs, rimed by storms, my weary-minded ally, flowed around by waters in his dreary hall.	..или бежал в далекую, изгнанник, в страну чужую; одинокий друг мой, он сидит под диким льдистым утесом, милый, изнемог он, морем окруженный в обители бедствий. (пер. В.Г. Тихомирова)
3. Heht mec mon wunian on wuda bearwe, under <i>actreo</i> in þam <i>eorðscrafe</i> . Eald is þes eorðsele, eal ic eom oflongad. (Wife's Lament 27–29)	My husband ordered me anchored in a woody grove, under an oak-tree within this earthen cave. Ancient is the earth-hall: I am entirely longing.	...вот здесь, под дубом, мой дом-землянка, – в земляной темнице, в лесной трущобе я живу поневоле, вовсе истосковалась.

Еще один тип любви представлен в религиозных жанрах: религиозном эпосе, христианских аллегорических поэмах, гимнах, проповедях. Объектом любви в этих жанрах является Бог. Тесные контекстуальные отношения связывают это чувство с большим числом христианских и героических аксиологем: свет, слава, сила, родство, победа.

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
1. Ic to anum þe, middangeardes weard, mod stabolige, <i>fæste fyrhðlufan</i> , ond þe, <i>fæder engla</i> , beorht blædgifa, biddan wille ðæt ðu me ne gescyrige mid scyldhetum, werigum wrohtsmiðum, on þone wyrrestan, dugoða demend, deað ofer eorðan. ...(Andreas 82–88).	I affix my heart solely to you, Guardian of Middle-Earth – and with the rooted love of my soul, I wish to ask you, Father of Angels, Bright Bestower of Fruits – do not tally me amid your guilt-foes, the weary crime- wrights, in the worst death, O Deemer of Hosts, upon the earth!	Я отдаю свое сердце исключительно тебе, Страж Среднего Мира – и с укоренившейся лю- бовью моей души я хочу спросить тебя: Отец Ангелов, Яркий Даритель плодов – Не считай меня своим врагом, повинным в самой ужасной смерти, о Судья всех на земле!
2. Ne wep þone wræcsið, <i>wine leofesta</i> , nis þe to frece. Ic þe friðe healed... (Andreas 1431–1432)	Weep not for your exile, dearest friend – it's not that terrible. I will keep my peace for you ...	Не плачь о своем изгна- нии, дорогой друг, это не так уж и страшно. Я со- храню для тебя мир.
3. Þe wile gasta weard lissum gyldan þæt þe wæs <i>leofre</i> his <i>sibb</i> and hyldo þonne þin sylfes bearn. (Genesis 2920–2922)	The Warden of Souls will reward you with delights because his peace and favor was dearer to you than your own son.	Хранитель душ наградит вас радостью, потому что Его мир и благосклон- ность были для тебя дороже, чем твой собственный сын.
4. He onfon sceal blisse minre and <i>bletsunge, lufan and lisse</i> . (Genesis 2332–2333)	He shall take up my bliss and my blessing, my love and my delight.	Он примет мое блаженство и мое благословение, мою любовь и мою радость.

Любовь Бога несет свет (*leoht*), счастье (*eadig*) и славу (*tir*). Ею окрашен мир рая (*dryhtene deore*); ад, напротив, – это бездна (*neowlan grund*), лишенная славы (*ne worulde dream*), пиров (*wloncra winsele*), друзей (*ne ængla ðreat*). Наряду со Словом Божиим любовь дарует мир (*fread*) и противостоит оружию и убийствам (Christ and Satan; Guthlac).

Любовь к Богу также связана со страданиями: это те испытания, на которые готовы истинные христиане, чтобы показать силу своего чувства и доказать верность христианским идеалам. Это мученическая любовь, в англосаксонской литературе ее демонстрируют преимущественно женщины-святые (в жанре проповедей и религиозного эпоса). Они объявляют себя «Христовыми невестами», хранят верность любимому жениху (*leof weorud*, *Cristes lufan*, *godu lufian*, *god lufast ond gelyfest*), отказываются выходить замуж за нехристиан, тем самым обрекая себя на страдания и мученическую смерть (напр., святые Юлиана, Евгения):

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
... ic for <i>cristes lufe</i> forlæt eop ealle middan-eardlice lustas spá spá meox forseah (Ælfric's Lives of Saints by Ælfric, Of Saint Eugenia 240–241)	And I, for Christ's love, abandoned you all, and despised as dung the lusts of the world.	И я, ради любви Христа, оставила вас всех и презирала, как мирскую похоть.
Þá cóm se cƿællere on cristes akenned-nysse dæge ð æsend frā þam casere he mæden acpealde Heo ƿearð þa <i>gemartyrod</i> <i>cristene</i> menn hī bebyrgdon (Ælfric's Lives of Saints by Ælfric, Of Saint Eugenia 412–414)	Then came the execu- tioner, on the day of Christ's birth, sent from the emperor, and he killed the maiden; so was she martyred, and Christian men buried her.	Затем пришел палач, в день рождения Христа, посланный от императора, и убил девушку; так она была замучена, и христиане похоронили ее.
Sibb sy mid eowic, symle <i>soþ lufu</i> . ða hyre sawl wearð alæded of lice to þam langan gefean þurh sweordslege. (Juliana 668–671)	May peace be among you, and perpetual true love. At that moment Juliana's soul was led away from her body to its lengthy joys by the blow of the sword.	Да пребудет между вами мир и вечная настоящая любовь. В этот момент удар меча унес душу Юлианы навстречу вечным радостям.

Такая любовь представлена в семантических сближениях с базовыми христианскими аксиологемами: Христос (*Criste*), свет (*leoht*), истина (*soþ*), душа (*sawle*); она имеет божественную природу и противопоставлена искушениям мирской жизни (*middan-eardlice lustas*). В нарративном сценарии этой любви преобладает

мотив смерти, однако он не символизирует ее поражение. Напротив, победа и сила любви к Богу утверждаются после мученической смерти. Ее итогом является воссоединение с Богом, наказание палачей-язычников (Juliana).

*Осмысление любви в английской лингвокультуре и поэзии  
XIII–XV вв.*

В позднесреднеанглийский период осмысление любви расширяется, приобретает новые грани и пополняется новым содержанием. Понятие любви становится более дробным и многоаспектным. Любовь<sup>1</sup> (lōve / luvē / louve / lufe / luf (fe) / louf / lof (e) / lufve / low (e) / lufæ / leove / lofve) конкретизируется по силе (gret ~, muchel (mikel) ~, – great love / большая любовь), локализации (hertes ~, – heartfelt love / любовь в сердце), по характеру (leik of ~, – the game of courtly love / игры куртуазной любви; ~ druerie – courtship, courtly love / куртуазная любовь), по длительности (lives ~, love of life / любовь всей жизни), по степени истинности (soth (sothfast) ~, treu, verrai ~ – true love / истинная любовь), по степени переживания чувства (brenninge ~, hot ~, – fervent love / горячая любовь; loves fir – the fire of love / огонь любви), по соответствию этическим нормам общества (moral ~, love as a moral virtue / добродетельная любовь; ivel ~, sinful love / грешная любовь; foul ~, lascivious love / похотливая любовь), по возможности проявлять чувства (derne ~, clandestine love / тайная любовь).

Объекты любви могут также варьироваться: помимо чувств к человеку (kinde ~, love of kin or friends / любовь к родственникам и друзьям; kindeli ~, – love between husband and wife / любовь между мужчиной и женщиной; hed (meste) loves, chiefloves / любовь к вождю; frendes ~, love between friends / любовь между друзьями; propre ~, love of self / любовь к себе) и Богу (godes ~, ~ godes, ~ of god, love for God / любовь к Богу) человек среднеанглийской эпохи испытывал (и вербализовал) любовь к следующим привычкам и предметам материального мира (eien ~, love of visible things / любовь к осязаемым вещам; ertheli ~, ertheli thinges ~, worldes ~, worldli ~, ~ in erthe, ~ of this world, ~ of ertheli thinges, worldly love,

---

<sup>1</sup> Примеры приводятся по [Stratmann, Bradley, 1891].

love of worldly things / любовь к земным вещам; fleshes ~, fleshli ~, love of physical things, love of physical pleasures / любовь к физическим удовольствиям; for profites ~, for love of gain / любовь к наживе; drönke-leu (e) – addicted to drink / любовь к напиткам).

С любовью связаны или могут ассоциироваться многие чувства и явления (~ drede, fear inspired by love / страх, порожденный любовью; ~ drem, joy of love / восторг любви; ~ drinke, a love potion / любовный напиток; ~ morninge, mourning for a loved one / скорбь по возлюбленному; ~ pleie, pleasure of love / любовное удовольствие; ~ mad, driven mad by love / обезумевший от любви; ~ sor, the pain of love / боль любви; ~ teres, tears of love / слезы любви; ~ tithinge, news of love affairs / новости о любовных делах; ~ token, a sign of love / знак любви; ~ trist, loving trust / доверие любви; ~ las, the cord of love / любовная струна, love's tyranny / любовная тирания; ~ welle, spring or source of love / источник любви; ~ wound, a wound inflicted by love, a heartthrob / рана, нанесенная любовью; ~ sik, lovesick / больной любовью).

Высокую степень лексической разработки в позднесреднеанглийский период получила также сфера чувственной любви: ~ kisinge, affectionate kisses / поцелуй любви; ~ lokinge, passionate glances / страстные взгляды; ~ leik, amorous play, love-making / любовная игра; ~ longinge desir, intense desire or affection / любовное томление; ~ makeinge, causing intercourse, bringing love about / занятие любовью; ~ weddinge, conjugal love / супружеская любовь; ~ werk, sexual intercourse / сексуальный акт.

Среднеанглийский язык фиксирует способы выражения любви, относящиеся к сфере устной / письменной риторики и искусства (~ lettre, a love letter / любовное письмо; ~ wordes, words of love / слова любви; ~ saue, – a love song, a speech of love / любовная речь; ~ sheuinge, a showing or token of love / проявление любви; ~ lai, a love poem / любовная поэма). Проявление любви оформляется определенными символическими ритуалами (~ knotte, a kind of intertwined device / узел любви; ~ daunce, a dance for lovers / танец влюбленных; ~ thing, a pledge of love, betrothal / клятва любви; ~ tecche, a mark or sign of love / знак любви) и метафорическими переосмыслениями (lōve-bēne – a service performed by a tenant for his feudal superior (orig. an extra service done as a favor to the lord of the manor and rewarded by the latter with free meals) / проявление любви

вассала к феодалу; löve-dai – a day appointed for a meeting between enemies, rivals, parties to a lawsuit, etc., for the purpose of reconciliation or arbitration / день примирения).

Лексикографический анализ показывает, насколько расширяются сочетаемостные возможности лексемы löve, что свидетельствует о расширении семантического объема концепта в целом. При этом нетрудно заметить преемственность в осмыслении любви в ранне- и позднесреднеанглийский периоды. Качественным отличием будет большая дробность и детализация этого чувства. Это обусловлено жанровым обогащением среднеанглийской литературы, появлением в этот период жанров, проникнутых новыми типами мироощущения: балладного (жанр народной баллады), рыцарского (жанр куртуазного романа), морализаторского (христианские дидактические поэмы; мистерии; моралите), романного (напр., «Кентерберийские истории» Дж. Чосера), сатирического (фаблио). В результате концепт любви прирастает новыми семантическими гранями.

Это прежде всего корреспондирует с рыцарским осмыслением любви, нашедшим свое отражение не только в жанре импортированного из Франции рыцарского романа, но также и в лирической поэзии и романе. Рыцарское мироощущение задавало определенный вектор ценностному климату эпохи средневековой Британии [Keating, 2018; Дюби, 2000]. С одной стороны, рыцарский идеал фундирован высшими ценностями религиозного сознания: состраданием, справедливостью, верностью [Бартелеми, 2012; Грачев, 2006; Хейзинга, 2013]. С другой стороны, представление о любви наполнило этот идеал уникальным ценностным содержанием, связав его с аксиологемами смелости и мужества, чести и честолюбия, самопожертвования, аскетичности, верности, гордости. Идея любви и служения даме трансформирует концепцию подвига. Рыцарский подвиг закрепляется во внешних ритуалах: в придворном этикете, в светских играх и развлечениях, в шутках и воинских упражнениях. Здесь тоже любовь постоянно сублимируется и романтизируется: жизнь подражает в этом литературе, но и последняя в конце концов черпает все из жизни [Хейзинга, 2013]. Куртуазная любовь стала концептуальной доминантой средневековой Британии, объединив в себе целый ряд связанных с ней культурных сценариев: воинские состязания, поэтические поединки, под-

виги, служение, любовные игры. Эти сценарии воплощены в куртуазных мотивах и сюжетах. Многие из них представляют собой переосмысление более ранних мотивов англосаксонской героической поэзии. В частности, мотив эпического подвига древнеанглийской эпохи: победы над чудовищами во имя благополучия народа трансформируется в среднеанглийскую эпоху в подвиг как доказательство силы любви к даме сердца. При этом рыцарь также может сражаться со сказочными существами: чудовищами, троллями, драконами. Так, победа над тремя чудовищами символизирует силу любви рыцаря сэра Эгламура к прекрасной Кристабель:

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
«Damysell, now as a man For thy love have I tan Dedes of armes thre». (The Tale of Sir Eglamour of Artois 241–243)	“Damsel”, he said, “I have agreed to undertake three trials of strength and courage for your sake”.	«Дама, – сказал он, – я согласился пройти три испытания силы и мужества ради тебя».

Осмысление куртуазной любви тесно связано с образом возлюбленной, который репрезентирован по-разному в героическую и куртуазную эпохи. Прежде всего это относится к портрету возлюбленной, способу описания ее внешности и одежды. В англосаксонской поэзии данная тема представлена пунктирно: упоминаются только значимые для социального статуса украшения королев. Такое свернутое описание внешности персонажа характерно для эпического повествования в целом [Пропп, 1976, с. 90]. В XIII–XIV вв., в условиях появления и развития авторских жанровых форм, этот аспект раскрыт намного подробнее: детально описаны внешность, одежда и украшения дамы сердца рыцаря. Наиболее частотные характеристики женской внешности – это красота (*faur*), совершенство фигуры (*brest and hir bryzt prote* / красивая шея и грудь; *feyrer thing of flesch* / светлая кожа; *blake brozes, Be tweyne uzen and be nase, be naked lyppez* / темные брови, глаза и обнаженные губы), богатство одеяний (*riche red* / ярко-красное одеяние,

kerchofes of þat on wyth mony cler perlez / головной убор, украшенный жемчугами; hir frount folden in sylk / лоб, облаченный в шелк):

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
<p>Ho watz þe fayrest in felle, of flesche and of lyre, And of compas and colour and costes, of alle oper, And wener þen Wenore, as þe wy3 e þo3 t. Ho ches þur3 þe chaunsel to cheryche þat hende. (Sir Gawain and the Green Knight 0943–0946)</p>	<p>The fair hues of her flesh, her face and her hair And her body and her bearing were beyond praise, And excelled the queen herself, as Sir Gawain thought.</p>	<p>Светлый цвет ее кожи и волос, ее тело и осанка были выше всяких похвал, И превзошла она саму королеву, как думал сэр Гавейн.</p>
<p>2. Riche red on þat on rayled ayquere, Kerchofes of þat on, wyth mony cler perlez, Hir brest and hir bry3 t þrote bare displayed, Schon schyrer þen snawe þat schedez on hillez; Þat oper wyth a gorger watz gered ouer þe swyre, Hir frount folden in sylk, enfolded ayquere, (Sir Gawain and the Green Knight 0952–0958)</p>	<p>Bedecked in bright red was the body of one; On one a high head-dress, hung all with pearls; Her bright throat and bosom fair to behold, Fresh as the first snow fallen upon hills; A wimple the other one wore round her throat; Her forehead enfolded in flounces of silk</p>	<p>Одеяние было ярко-красным; На одной даме был высокий головной убор, украшенный жемчугами; Ее шея и грудь были прекрасны – свежи, как первый снег, упавший на холмы; Ее лоб был покрыт убранием из шелка.</p>

Куртуазная любовь связана с темами чувственности и прелюбодеяния. Нельзя сказать, что в древнеанглийской поэзии этих мотивов нет, однако они представлены гораздо более имплицитно и сдержанно. Так, замужняя лирическая героиня древнеанглийской лирики намекает на общего ребенка с возлюбленным, с которым она разлучена (Wulf and Eadwacer). Среднеанглийская куртуазная традиция более эксплицитна в этом отношении: чувственная сторона любви реализуется в мотивах добрых любовных отноше-



ний рыцаря и дамы сердца (Sir Eglamour of Artois), адюльтера (Sir Gawain and the Green Knight). По существу, подвиги рыцаря мотивированы преимущественно стремлением к чувственной любви с прекрасной дамой: любви запретной (поскольку дама замужем), а потому овеянной романтическим духом:

Примеры		
В оригинале	На современном английском языке	В переводе на русский язык
1. Syr Eglamour, he gart crye Of dedys of armes, wyttirly, For love of Crystabell. (Sir Eglamour of Artois 40–42)	Sir Eglamour has announced his love to Crystabel.	Сэр Эгламур объявил о своей любви к Кристабель.
2. «The Erles doughtur, so God me save, The love of her but I hit have My lyf may not long last». (Sir Eglamour of Artois 58–60)	Then I shall tell you. I am so in love with the earl's daughter, God help me, that I shall not last for very much longer unless I can have her.	Я так влюблен в дочь графа, Боже, помоги мне. Я не смогу без нее жить.

Обратной стороной чувственной любви рыцаря являлись проявления аскетичности и мужественного самопожертвования, которые были нравственным замещением неудовлетворенного желания [Хейзинга, 2013, с. 134]. Куртуазная любовь – это сложный сплав романтической идеализации, чувственного желания, эпического героизма и эпической преданности, христианского самопожертвования.

Трагическая сторона чувственной любви осмыслена в жанре народной баллады. Наиболее частотным балладным сценарием несчастной любви является гибель девушки, которая ожидает или имеет новорожденного ребенка от своего возлюбленного: Bonnie Annie (Child 24); Lizie Wan (Child 51); Fair Annie (Child 62); Fair Janet (Child 64); Bonny Bee Hom (Child 92); Lizie Lindsay (Child 226); Mary Hamilton (Child 173) и др. В таких случаях девушку может ждать наказание семьи, предательство возлюбленного, самоубийство, смерть на пути к возлюбленному (например, в пучине моря). Число баллад, репрезентирующих положительные сценарии любовных отношений, намного меньше по сравнению с отрица-

тельными. При условии счастливого замужества девушки главным врагом любви является мать ее возлюбленного – свекровь. Злая свекровь – это типизированный балладный образ, развивающийся в мотивах злодеяний по отношению к молодой невестке и ее новорожденному ребенку, приводящих к их гибели<sup>1</sup>. Истоки данной интерпретации образа матери возлюбленного стоит, по всей видимости, искать в синтезе балладного и архаичного мировосприятия. По мере развития патриархальных отношений Великая Мать все чаще отождествляется с хаосом – именно этот ракурс изображения становится доминантным для образа матери мужа / возлюбленного в семейно-бытовых балладах Англии и Шотландии XIV–XV вв. Этот ракурс изображения матери-свекрови наиболее характерен для фольклорных жанров [Путилов, 2003]. Образ свекрови как препятствия для любви не представлен в более ранней поэтической традиции.

### Заключение

Для каждого из двух периодов развития английской литературы характерны свои особенности понимания любви. Англосаксонская литература до 1066 г. сфокусирована преимущественно на героическом и религиозном фокусе ее осмысления. В первом случае это любовь между королем и его дружинниками, во втором – это любовь к Богу. Каждый из двух типов любви имеет определенную нарративную реализацию. Героическая любовь закреплена в сценариях (мотивах) раздачи и принятия даров, верности и преданности королю на поле боя, преклонения перед лучшими воинами. Христианская любовь созвучна героической любви по силе, верности и стойкости, но ее аксиологическим фундаментом являются подвижничество, самопожертвование и мученичество. Любовь между мужчиной и женщиной является менее частотной темой англосаксонской поэзии; она имеет трагический вектор осмысления и ассоциируется с разлукой.

Расширение жанрового репертуара английской литературы после 1066 г., результатом которого явился синтез картин мира, объединивший англосаксонскую и нормандскую поэтические тра-

---

<sup>1</sup> Например, *The Lass of Loch Royal* (Child 76).

диции, обусловило появление новых семантических граней концепта любви. Прежде всего в позднесреднеанглийский период наблюдается бóльшая дробность этой концептуальной сферы: любовь прирастает новыми культурными сценариями, связанными с риторикой признания в любви, появляются ритуалы, символизирующие степень и характер любви. Культура рыцарства обусловила детальную разработку образа и психологического портрета возлюбленной, развитие концепции чувственной любви. Нарративное осмысление рыцарской любви воплощено в мотивах подвигов и поединков, тайной страсти и адюльтера. Англосаксонская эпическая концепция подвига во благо всего народа трансформируется в куртуазную концепцию подвига во имя дамы сердца.

Трагическое осмысление любви наиболее характерно для фольклорного мироощущения, представленного в жанре народной баллады. Этот аспект любви связан с концептами разлуки, предательства и смерти, одним из препятствий к счастливой любви является мать возлюбленного / свекровь девушки. Архаичное осмысление Великой Матери как носителя Хаоса и разрушения (ср. мать Гренделя в раннесреднеанглийской поэтической лингвокультуре) трансформируется в свекровь-предательницу в более поздних англосотландских народных балладах.

### **Список литературы**

- Бартелеми Д.* Рыцарство: от древней Германии до Франции XII в. / пер. с франц. М.Ю. Некрасова. – Санкт-Петербург : ЕВРАЗИЯ, 2012. – 584 с.
- Грачев Ю.Г.* Рыцарство в средневековой Европе. – Киев : Аквилон-Плюс, 2006. – 288 с.
- Дюби Ж.* Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о себе самом / пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – 320 с.
- Ирисханова О.К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – Москва : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
- Карасик В.И.* Языковые картины бытия. – Москва : Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – 468 с.
- Казыдуб Н.Н.* Аксиологические системы в языке и речи // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 2. – С. 132–137.
- Небжеговска-Бартминьска С.* Ценности в фольклоре – универсальные или имеющие жанровые различия? // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. – Москва : Индрик, 2013. – С. 221–232.

- Новая философская энциклопедия : в 4 т. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 2. – 640 с.
- Новейший философский словарь. – 3-е изд., испр. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
- Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. – 2014. – №2. – С. 127–148.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – Москва : Наука, 1976. – 325 с.
- Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. In *memoriam*. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2003. – 464 с.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 3-е изд. – Москва : Академический проект, 2004. – 991 с.
- Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. с нидерландского Д.В. Сильвестрова. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2013. – 728 с.
- Ashe L. The Oxford English Literary History. – Oxford : Oxford University Press, 2017. – Vol. 1 : 1000–1350: Conquest and Transformation. – 492 p.
- Ashe L. Love and chivalry in the Middle Ages. – 2018. – URL: <https://www.bl.uk/medieval-literature/articles/love-and-chivalry-in-the-middle-ages#> (дата обращения 10.03.2021)
- Ælfric. *Abbot of Eynsham*. Skeat. Walter W. Ælfric's Lives of Saints. 1881–1900. – URL: <https://archive.org/details/aelfricslivesofs02aelfuoft> (дата обращения 05.02.2021)
- Bosworth J., Toller T.N. Anglo-Saxon Dictionary. – Oxford, 1882–1898. – 1100 p.
- Child F.J. The English and Scottish popular ballads. – Cambridge : The Riverside Press, H.O. Houghton and Company, 1882–1889. – 2500 p. – URL: <https://archive.org/details/englishandscott105chiluoft> (дата обращения 05.02.2021)
- Keating A.L. Courtly love in Sir Gawain and the Green Knight and Modern Reflections. – 2018. – URL: [https://digitalcommons.bucknell.edu/honors\\_theses?utm\\_source=digitalcommons.bucknell.edu%2Fhonors\\_theses%2F303&utm\\_medium=PDF&utm\\_campaign=PDFCoverPages](https://digitalcommons.bucknell.edu/honors_theses?utm_source=digitalcommons.bucknell.edu%2Fhonors_theses%2F303&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages) (дата обращения: 05.02.2021)
- Sir Eglamour of Artois. – URL: <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/hudson-sir-eglamour-of-artois> (Дата обращения 05.02.2021)
- Sir Gawain and the Green Knight. – URL: <https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/weston-sir-gawain-and-the-green-knight> (дата обращения 05.02.2021)
- Stratmann F.H., Bradley H. Middle English Dictionary, 1100–1500. – London : Oxford University Press, 1891. – 740 p.
- The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. – URL: <https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/> (дата обращения 05.02.2021)

## References

- Barthelemi, D. (2012). *Rycarstvo: ot drevnej Germanii do Francii XII v.* Saint-Petersburg: EVRASIA.
- Grachev, Yu.G. (2006). *Rycarstvo v srednevekovoj Evrope*. Kiev: Aquilon – Plus.
- Dubi, G. (2000). *Trekhchastnaya model, ili Predstavleniya srednevekovogo obshchestva o sebe samom*. Moscow: Languages of the Russian Culture.

- Iriskhanova, O.K. (2014). *Igry fokusa v yazyke. Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya*. Moscow: Languages of the Russian Culture.
- Karasik, V.I. (2020). *Yazykovye kartiny bytiya*. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute.
- Kazydub, N.N. (2009). *Value Systems in Language and Speech* // Bulletin of Irkutsk State Linguistic University, N 2.
- Niebrzegowska-Bartmińska S. (2013) Values in Folklore – universal or having genre differences? // *Slavica Svetlanica*. Moscow: Indrik.
- Novaya filosofskaya enciklopediya* (2010). 2<sup>nd</sup> edition. Vol. 2. Moscow: Myisl.
- Novejsij filosofskij slovar* (2003). 3<sup>d</sup> edition. Minsk: KnigaBook.
- Postovalova, V.I. (2014). Religious concepts in Orthodox Christian Worldview (A theolinguistic analysis) // *Critique and Semiotics*, N 2.
- Propp, V.Ya. (1976). *Folklor i dejstvitenost*. Moscow: Nauka.
- Putilov, B.N. (2003). *Folklor i narodnaya kultura. In memoriam*. Saint-Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Stepanov, Yu.S. (2004). *Konstanty: Slovar russkoj kultury*. 3<sup>d</sup> edition. Moscow: Academic Project.
- Huizinga, Jo. (2013). *Osen Srednevekovya*. Saint-Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House.
- Ashe, L. (2017) *The Oxford English Literary History*. Volume I: 1000–1350: Conquest and Transformation. Oxford University Press.
- Ashe, L. (2018) Love and chivalry in the Middle Ages. Retrieved from <https://www.bl.uk/medieval-literature/articles/love-and-chivalry-in-the-middle-ages#>
- Ælfric, Abbot of Eynsham; Skeat, Walter W. (1881–1990). *Ælfric's Lives of Saints*. Retrieved from <https://archive.org/details/aelfriclivesofs02aelfuoft>
- Bosworth, J., Toller, T.N. (1882–1898). *Anglo-Saxon Dictionary*. Oxford.
- Child, F.J. (1882–1889). *The English and Scottish popular ballads*. Cambridge: The Riverside Press, H.O. Houghton and Company. Retrieved from <https://archive.org/details/englishandscott105chiluoft>
- Keating, A.L. (2018). *Courtly Love in Sir Gawain and the Green Knight and Modern Reflections*. Retrieved from [https://digitalcommons.bucknell.edu/honors\\_theses?utm\\_source=digitalcommons.bucknell.edu%2Fhonors\\_theses%2F303&utm\\_medium=PDF&utm\\_campaign=PDFCoverPages](https://digitalcommons.bucknell.edu/honors_theses?utm_source=digitalcommons.bucknell.edu%2Fhonors_theses%2F303&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages)
- Sir Eglamour of Artois*. Retrieved from <https://d.lib.rochester.edu/teams/text/udson-sir-eglamour-of-artois>
- Sir Gawain and the Green Knight*. Retrieved from <https://d.lib.rochester.edu/camelot/text/weston-sir-gawain-and-the-green-knight>
- Stratmann, F.H., Bradley, H. (1891). *Middle English Dictionary, 1100–1500*. London: Oxford University Press.
- The Complete Corpus of Anglo-Saxon Poetry. Retrieved from <https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/>